

ЛУЧШИЙ ФОТОГРАФ МОСКВЫ: НИКОЛАЙ РАХМАНОВ

Его имя стоит особняком среди признанных классиков отечественной фотографии. 26 сентября исполнилось бы 90 лет со дня рождения одного из лучших фотографов Москвы – Николая Рахманова ⇒

ТЕКСТ
Алексей Нагаев

ФОТО
из личного архива Николая Рахманова

«Золотой глаз»

В отличие от титулованных друзей и коллег по цеху, одно перечисление наград которых займёт полстраницы, Николай Рахманов имел лишь «Золотой глаз», полученный на склоне лет «за заслуги». Но едва ли найдётся хоть один фотограф, который сможет сравниться с ним по количеству и качеству изданных фотоальбомов. Только по уникальным названиям (без многочисленных переизданий на многих языках) это более 80 книг, большинство из которых – роскошные фолианты, отпечатанные на самом высоком полиграфическом уровне в Германии, Австрии, Швейцарии. Красивейшие книги, прежде всего о Москве.

Смотреть бесконечно

Когда я учился в школе, на праздник 7 ноября мы всей семьёй традиционно ходили в гости к маминной крёстной, Марии Васильевне, на Малую Бронную. Обычно нам с сестрой она заготавливала «гостиные» в виде трёшки, а то и пятёрки, которые мы не тратили, а складывали в копилки-грибочки. Но на юбилей Великого Октября в 1987 году я получил не купюру с видом кремлёвской башни, а книгу-фотоальбом. Сначала немного расстроился, но открыв её, так и остался на весь вечер на страницах удивительной «Московской панорамы» фотографа Николая Рахманова.

В отроческие годы я открывал для себя Москву как ногами, так по книгам и картам. Но для полноты картины, для цельного образа родного города чего-то важного не хватало. Недостающее нашлось в альбомах Рахманова.

На виды столицы, сделанные с недостижимых верхних точек на рассвете или в сумерках, снежной зимой, золотой осенью или ранней весной, всегда безукоризненных композиционно, поэтично, душевно, можно было смотреть бесконечно. Они не надоедали, а где-то в подсознании отпечатывались и уже

© Н. Рахманов

неразрывно сосуществовали с собственным ощущением города.

Они оказались очень близки мне. В чём здесь дело – не знаю. Есть классическая работа Павла Муратова «Образы Италии», где искусствовед исследует феномен «чувства Рима», которое приходит, просачивается и постепенно овладевает, роднит людей, влюблённых в вечный город. «Чувство Рима», если ты испытал его, столь остро и глубоко, что отчётливо осознаёшь: Рим не такой город, как все другие города.

С Москвой, недаром она «третий Рим», что-то подобное. У Рахманова уникальное по силе чувство Москвы струится с фотографий. Думаю, это один из

© Панорама Красной площади

⊙ Красная площадь в -30°C . 1976 год

главных секретов, почему его альбомы столь любимы москвичами.

Николай Николаевич считал, что для создания «нестыдного фото» у фотографа уже должен быть «культурный слой». И чем слой этот толще, жирнее, тем больше надежд, что посеянные в него семена дадут всходы. И тогда фотограф сможет не просто документировать, а снять выразительно, в нужной тональности, с настроением. Кульминацией же творческого акта для него будет удача, которая «должна преследовать фотографа, если он этого достоин».

Встреча

Прошли годы. Я сам фотограф. И одна из важных тем – моя Москва. Много увидено, многих узнал... Насматривался городом, насматривался работами мастеров живописи и фотохудожников. Но единственным настоящим кумиром для меня остаётся Рахманов. Его книги, наделённые музыкальным ритмом, пластичные, осязаемые кадры стали моими стилевыми ориентирами, а стремление к верхним точкам, которыми заразил меня мастер, тяга ко взгляду на город с высоты – в конечном итоге привели в авиацию...

Несколько лет назад я наконец-то лично познакомился со своим учителем и его женой Ириной Николаевной. Короткое, счастливое время. Я был совершенно очарован человеческой простотой мастера. Думал, он будет снисходить, и что услышу от него, мол, лишь на форматные камеры, на карданы можно снять что-то стоящее, а нынешние фотографии только бездумно щёлкают... Но Николай Николаевич оказался не таков. Его интересовали мои снимки, он щедро делился соображениями о точках съёмки, способах проникновения на оные. Говорил как с единомышленником, соратником. Технической оснащённости Рахманов не придавал большого значения. Это подразумевается само собой у настоящих

⊙ Красная площадь

профессионалов. Хороший фотограф, как музыкант, должен виртуозно владеть камерой, управлять ей, а думать – о свете, цвете, ракурсе, передаче чувств к открывающемуся его взгляду сюжету.

Аристократ в фотографии

В последние годы высотные точки росли как грибы, и Рахманов вновь и вновь лез на крыши – старые, новые, и продолжал снимать. В свои 88 он был убеждён – всё, что было, уже не имеет значения, жить

нужно только сегодня, сейчас. Какая разница, что он уже много раз снимал с кремлёвских доминант, что его виды Кремля давно стали каноническими?! Почивать на лаврах – не его. Каждый раз съёмка неповторима, каждый раз другая погода, другой свет, да и сама Москва другая, не та, что вчера. Он не терял интереса к жизни буквально до самых последних дней, и всегда его камера была в работе, а голова полна творческих планов.

Рахманов – аристократ в фотографии. По происхождению – из баронов фон Рахме. Порода в этом красивом человеке с гордой осанкой видна была сразу. Неотразимым шармом он обязан впитанной с детства творческой атмосфере в семье. Бабушка – театральная актриса, отец, Николай Николаевич «первый» – композитор и дирижёр, всерьёз увлекавшийся фотографией, передал своё увлечение по наследству.

Пройдя школу фоторепортажа, поработав в фотохронике ТАСС, «Неделе», «РТ», «Журналисте», Рахманов нашёл «главную тему». Он стал вольным певцом Москвы. Кто только не снимал столицу, в том числе и с высоты, – но второго Рахманова ни из кого не вышло. Ему довелось сформировать в сознании современников образ исторического центра столицы, который стал хрестоматийным, эталонным. Во имя этого он положил, не колеблясь, всю жизнь.

Он побывал со своими камерами на всех мыслимых и немыслимых точках, многие из которых уже не повторить. Он ждал появления этих точек и нужного состояния Кремля годами, а то и десятилетиями. И когда вокруг той или иной башни или собора возникали строительные леса, а затем выпадал первый снег или появлялась первая сочная зелень, вечерело и зажигались кремлевские звёзды – приходило время его триумфа.

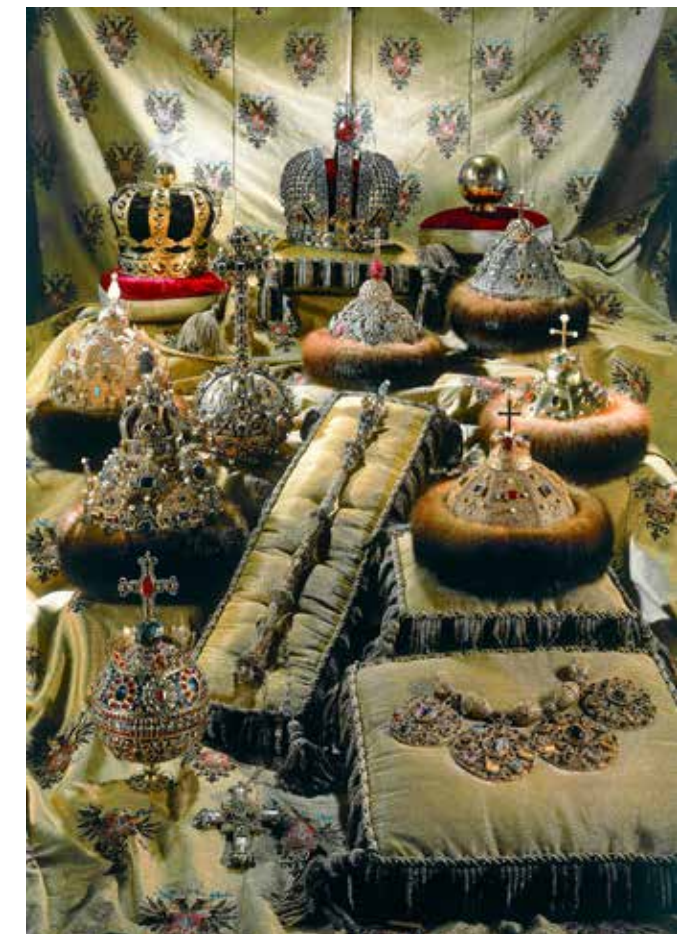
Рахманов снимал не дома, не архитектуру – ни в коем случае. Он снимал городской пейзаж. Стиль его съёмки был нетороплив, скрупулёзен, его единственный глаз (да-да, фотограф смотрел на мир как его камеры – одним левым глазом, правый практически ничего не видел) обладал способностью так расположить планы, скомпоновать пространство, что никаких других вариантов просто не оставалось, всё прочее было слабее.

Оказавшись на какой-то из «рахмановских» точек и отсняв серию кадров, при просмотре материала я не раз замечал, сначала удивляясь, а позже, отмечая про себя уже как само-собой разумеющееся, что лучший кадр всегда – практически копия рахмановского по композиции.

Найдя точку, Николай Николаевич искал настроение, ждал «решающий момент» и только тогда нажимал спуск. Поэтому в его монументальных работах течёт жизнь, и её течение чувствуется физически.

⊙ Георгиевский зал
Большого Кремлёвского дворца

⊙ Императорские регалии

© Вид со Спасской башни

Кремлёвские звёзды – визитная карточка Рахманова. Наверно, сейчас что-то подобное можно снять с дрона, если, конечно, получить разрешение летать над Кремлём. Рахманов, водивший дружбу с шестью (!) комендантами Кремля и имевший благодаря этому такой допуск, который не снился ни одному фотографу, лез с тяжеленными камерами и кофрами с оптикой по шатким строительным лесам, делая несколько ходок. На верхней площадке он просил рабочих... разобрать ограждение, портящее картинку, и занимал позицию на краешке крошечной площадки, чтобы огромная звезда с великолепной панорамой кремлёвских дворцов и соборов поместилась в сверхширокоугольный объектив. Торчал на вершуре долгими часами, дожидаясь того света, который нужен ему. Результат – неповторимая серия съёмки кремлёвских звёзд, вошедшая в лучшие книги о Москве.

Эти рахмановские звёзды и поныне тиражируются миллионными сериями. Став «народными», украшают холодильники туристов со всего мира.

Вслед за солнцем

Однажды, накануне Олимпиады-80, у Рахманова родилась идея снять панораму с колокольни Ивана Великого. В 1979 году проводились реставрационные работы, и леса облепили постройку, даже крест оказался ими закрыт. Рахманов уговорил коменданта Кремля и залез на 80-метровую высоту со своим

© Никольская башня

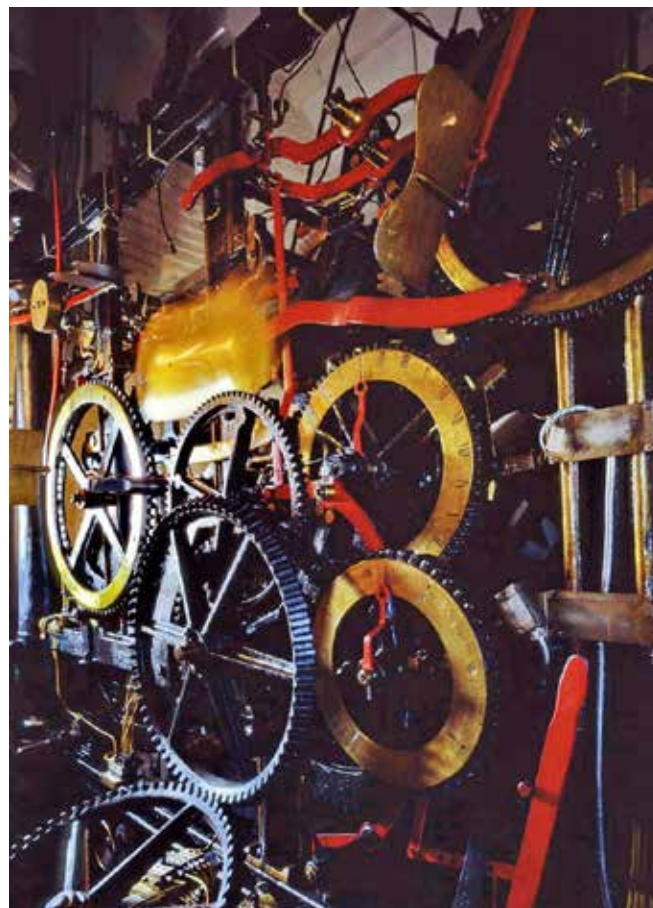
© Панорама Кремля

© Вид на Кремль. 2009 год

Ⓢ Рассвет над Москвой с вышки МИДа

Ⓢ Часовой механизм в Спасской башне

«Лингофом». Так родился шедевр. В перестроечные годы издавалась «гармошка-раскладушка» большого формата. На одной стороне была рахмановская панорама 1979 года, на обороте – известная круговая панорама Москвы с храма Христа Спасителя 1867 года, сделанная фотографической фирмой «Шерер, Набгольц и Ко». Работа Рахманова несколько лет висела над моим столом, но я долго не знал её секрета. Оказывается, Николай Николаевич делал примерно по одному кадру в час, поворачивая штатив с камерой вслед за солнцем, отсюда ровное освещение по всей панораме из 16 кадров 13x18. И нигде контрового света!

Панорама была снята летом. В австрийской типографии слайды смонтировали так, что даже автор не смог определить места стыков. Рахманов подумал, что неплохо бы повторить съёмку осенью, в более выразительную погоду. Золотая осень! Он снова лезет на леса. Но на высоте оказался штормовой ветер. Николай Николаевич не отступил: привязался сам, привязал камеру со штативом и начал работу. Было сделано 12 кадров, когда сильный порыв ветра опрокинул штатив. Камера ударилась о край лесов. Штатив удержал её, но защёлка объектива открылась, и он полетел вниз с высоты. Панорама осталась незаконченной, а линзы, слава богу, никого не убившего объектива, рабочие нашли и целыми (!) вернули фотографу. Затвор же разлетелся вдребезги. Поразительно, но Рахманов поставил линзы на другой затвор и ещё много лет успешно снимал этим объективом.

Николай Рахманов – автор многих десятков альбомов о Москве, Московском Кремле, Алмазном фонде, Оружейной палате. Он держал в руках все императорские регалии и сокровища из музейных фондов, его одного закрывали на ночь в хранилищах, в Большом Кремлёвском дворце, в соборах, и он снимал, снимал, снимал. Чтобы просмотреть все эти кадры, просто пересчитать их – уйдут дни, а то и недели. А ведь каждый кадр – выверен, неповторим, каждый требовал постановки. На каждую съёмку нужно было добраться, выставить камеру, свет, после везти плёнку в проявку, потом забирать. Колоссальный труд, который этот удивительный человек упорно проделывал на протяжении почти 70 лет!

Наследие

Недавно свершилось важное. Вдова фотографа, Ирина Николаевна Воронцова, передала в дар Музею Москвы фотоархив Н.Н.Рахманова. Десятки тысяч слайдов, ставших «единицами хранения», потребовали нескольких дней старания двух учётиц только чтобы выполнить пересчёт. Впереди огромная работа по каталогизации, оцифровке, изучению и экспонированию наследия мастера. Сотрудники музея обещают организовать масштабную фотовыставку, достойную его памяти. Ⓜ

Ⓢ Фрески Успенского собора

Ⓢ Регалии династии Романовых

Ⓢ Трон Ивана Грозного и Казанская шапка